

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ РОССІИ

Боязливость есть удѣлъ слабыхъ. Хозяйственную Россію, въ осуществленномъ ею въ теченіе вѣковъ и продолжающемся донинѣ величайшемъ, въ человѣческихъ масштабахъ, колонизаціонно - сельскохозяйственномъ дѣлѣ заселенія и освоенія восточно-европейскихъ и азіатскихъ пространствъ, но также и въ ея промышленныхъ достиженіяхъ: Россіи XVIII-го вѣка и послѣднихъ предвоенныхъ десятилѣтій, — эту Россію, хозяйственную Россію мы, евразійцы, слабой признать не можемъ. Въ своемъ историческомъ существованіи Россія, давняя и недавняя, Русь малая и великая, въ каждую эпоху и въ каждомъ мѣстѣ по своему — проявляла, въ области хозяйственной, творчество и мощь. Утвержденіе это не устраняетъ признанія, что все таки хозяйственная дѣйствительность Россіи не сояла и не стоитъ на уровнѣ естественныхъ ея ресурсовъ — шестой части земной суши; это положеніе въ особенности правильно въ отношеніи къ настоящему времени, въ обстановкѣ коммунистическаго раззоренія Россіи. И вотъ, въ обдумываніи возможныхъ путей и средствъ къ преодолѣнію этого раззоренія и къ хозяйственному подъему Россіи, пониманіе историческихъ судебъ и хозяйственной природы Россіи указываетъ — не бояться участія въ этомъ преодолѣніи и подъемѣ

иностранных хозяйственных силъ. Нужно всѣчески подчеркнуть, что частично-хозяйственная „европеизація“ или „американизація“ Россіи (поскольку таковая соотвѣтствуетъ складу ея естественныхъ возможностей и данныхъ) отнюдь не означала бы духовной „романо-германизации“ Россіи. Наоборотъ, развитіе производительныхъ силъ способствовало бы, нужно думать, укрѣпленію и усиленію самонаначально — евразійскаго русскаго духовнаго дѣланья¹⁾: всякое духовное дѣланье нуждается въ извѣстныхъ матеріальныхъ предусловіяхъ; поэтому умноженіе „безличныхъ“, по существу, хозяйственныхъ цѣнностей, какимъ бы способомъ оно ни происходило, можетъ содѣйствовать усиленію національнаго и въ высокой мѣрѣ личнаго духовнаго творчества. Чтобы это было такъ, необходимо только, чтобы въ жизни народа цѣненіе матеріальныхъ благъ было іерархически подчинено цѣненію благъ не-матеріальныхъ, чтобы область экономики въ жизни и духовномъ сознаніи народа ощущалась, какъ область — хотя и весьма важная, но подчиненная. И если Россіи, въ ея духовной жизни, удастся установить такое соотношеніе, приливъ въ ея предѣлы хозяйственныхъ силъ, происходящихъ хотя бы изъ существенно иной культурной среды, съ другой духовной установкой — не теряя своей непосредственной

¹⁾ Слово „евразійскій“ мы примѣняемъ здѣсь къ русской культурной средѣ въ томъ смыслѣ, въ которомъ слово „европейскій“ прилагается нерѣдко къ культурнымъ средамъ отдѣльныхъ романо-германскихъ народовъ. Указаніе на то, что скажемъ, французское культурное творчество протекало и протекаетъ въ рамкахъ и духѣ „европейской“ культуры вполне совмѣстимо съ признаніемъ національно-французскаго характера этого творчества. Такъ и обозначеніе самонаначально-русскаго культурнаго творчества, какъ „евразійскаго“, указывая на существеннѣйшія культурно-историческія черты той обстановки, въ которой это творчество протекаетъ, не только совмѣстимо съ признаніемъ, но предназначено содѣйствовать уясненію національно-русскаго качества этого творчества; — чему отнюдь не противорѣчитъ то обстоятельство, что Россія въ мірѣ евразійскомъ призвана, повидимому, къ большей роли, чѣмъ играла и играетъ какой бы то ни было отдѣльный романо-германскій народъ въ мірѣ европейскомъ.

хозяйственной полезности, будетъ лишень духовной вредо-
носности. Русская культура, въ размахахъ и потенціяхъ,
опредѣлившихся къ настоящей эпохѣ, — обладаетъ до-
статочной силой притяженія и овладѣнія, чтобы подчинить
своему строю притекающіе въ ея среду чужеродные эле-
менты. Также въ отношеніи государственно-политиче-
скомъ русскій народно-державный массивъ имѣетъ всё
данная оказаться достаточно цѣлостнымъ и связнымъ,
чтобы входящія въ него чуждыя людскія струи не рас-
членили его, но безболѣзненно умѣстились въ немъ...

Если романогерманской Европѣ, въ силу нарушенія въ
ея существованіи должной іерархіи между основополож-
ными и подчиненными отраслями бытія, предстоятъ ката-
строфическія потрясенія, то представляется естествен-
нымъ, въ смыслѣ нѣкоторой исторической необходимости,
чтобы опредѣленная часть ея хозяйственно-людскихъ и
хозяйственно-матеріальныхъ силъ перешла въ Россію,
которая свое потрясеніе и потемнѣнье переживаетъ сей-
часъ и которая, нужно думать, въ недалекомъ уже буду-
щемъ вступить на пути укрѣпленія и просвѣтленія...

Тѣмъ болѣе желательно привлечь къ дѣлу русскаго
возстановленія и развитія хозяйственныя силы странъ,
не принадлежащихъ, въ точномъ смыслѣ, къ романо-
германской Европѣ, но усвоившихъ навыки западноевро-
пейскаго хозяйствованья. Въ этой связи поставляется
проблема участія польскихъ и чешскихъ элементовъ въ
хозяйственномъ внутри-русскомъ дѣланіи. Привлеченье
къ такому дѣланью именно чешскихъ (чехословацкихъ)
силъ не имѣетъ и тѣхъ тѣневыхъ сторонъ, которыми, въ
силу историческихъ соотношеній Россіи и Польши, отмѣ-
чено соотвѣтствующее польское вхожденіе. — Этими об-
стоятельствами объясняется появленіе на предраскрытыхъ
страницахъ доклада о русскихъ „производительныхъ си-
лахъ“, произнесеннаго предъ чешскими слушателями
(2/15 января 1923 г. въ помѣщеніи Пражской Торговой
Палаты, по приглашенію Промышленнаго Института этой

Палаты и Экономическаго Союза для Славянскаго Востока). — Судьбу чешскаго народа живо чувствовали и думали о ней славянофилы. Не слѣдуетъ преувеличивать близости духовныхъ установокъ нашего и чешскаго сознания: различіе исторической судьбы сказывается въ различіи сознания. Но преодолевая это различіе силою ряда обстоятельствъ (въ томъ числѣ языковой близости), русская культура уже и сейчасъ въ такой мѣрѣ входитъ въ жизнь чехословацкаго, какъ и другихъ славянскихъ народовъ, въ какой не входитъ и, можетъ быть, никогда не войдетъ въ бытіе народовъ романогерманскихъ; уже и сейчасъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, служить непосредственной базой мѣстнаго (славянскихъ народовъ) національнаго творчества. — Обращаясь къ области государственно-политической, необходимо подчеркнуть, что русское патріотическое сознанье глубинно соучаствуетъ въ радости произошедшаго національно-государственнаго возрожденія чехословацкаго народа. Между Россіей и Чехословакіей нѣтъ и, нужно надѣяться, не можетъ быть противоположности государственно-политическихъ интересовъ; и наоборотъ, многія цѣли являются общими. Этимъ должна опредѣлиться плодотворность также хозяйственнаго сотрудничества...

Что касается до предлагаемаго обзора русскихъ производительныхъ силъ, то онъ въ силу своей краткости, намѣчаетъ только общій контуръ и нѣсколько отдѣльныхъ чертъ хозяйственно-географическаго облика Россіи. Для русскаго читателя онъ долженъ служить введеніемъ къ послѣдующему, болѣе подробному раскрытію хозяйственно-географическаго образа Россіи.

* * *

*

М. Г.

Моей задачей является: предложить вамъ въ кратчайшемъ обзорѣ очеркъ естественныхъ производительныхъ силъ Россіи. Характеризуя природно-географическую обстановку, среди которой существуетъ хозяйство руссiйское, — я постараюсь затронуть также нѣкоторые вопросы, которые способны, быть можетъ, ближайшимъ образомъ васъ заинтересовать; я обрисую рядъ отраслей русской экономической жизни, которыя могли бы, въ условіяхъ водворенія въ Россіи обезпеченнаго хозяйственно-правового строя, представить поприще для приложенія чехословацкаго капитала, и, въ особенности, личныхъ силъ квалифицированныхъ работниковъ и дѣятелей хозяйства Чехословакии...

Болѣе чѣмъ какая-либо другая страна міра, Россія, даже въ предѣлахъ нынѣшняго „Союза совѣтскихъ республикъ“ — будемъ надѣяться, что не долго она будетъ именоваться такъ! — можетъ быть разсматриваема, какъ довлѣющее себѣ хозяйственное цѣлое; довлѣющее себѣ въ томъ смыслѣ, что благодаря огромнымъ размѣрамъ и разнообразію хозяйственнаго одаренія составляющихъ ее областей, въ хозяйствѣ Россіи проблема „внутренняго рынка“ положительно преобладаетъ надъ проблемою рынка „внѣшняго“; преобладаетъ даже сейчасъ въ обстановкѣ величайшаго раззоренія и обнищанія Россіи. Эта черта хозяйства руссiйскаго не означаетъ, чтобы въ перспективѣ на будущее были малы въ абсолютныхъ цифрахъ вывозныя возможности Россіи или ограничена емкость ея рынка, какъ покупателя иностранныхъ товаровъ. Но это значить, что въ отношеніи къ общимъ масштабамъ пространства и населенія, величины вывоза и ввоза Россіи

неизбѣжно представлять, какъ онѣ представляли и раньше, относительно скромную величину, ибо хозяйственно Россія жила, живетъ и будетъ жить главнымъ образомъ, внутреннимъ оборотомъ. Внѣшняя торговля Россіи есть какъ бы при даточная отрасль русской хозяйственной жизни; она дополняетъ основные для хозяйственной жизни процессы обмѣна продуктовъ промышленныхъ на сельскохозяйственные; но не осуществляетъ этого обмѣна въ его важнѣйшихъ проявленіяхъ, какъ это происходило и происходитъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ и внѣ-европейскихъ странахъ. Относительное значеніе внѣшней торговли въ русской экономической жизни вырисовывается изъ слѣдующаго сопоставленія: къ началу войны, при ежегодномъ національномъ доходѣ приблизительно въ 15 миллиардовъ золотыхъ рублей, внѣшняя торговля Россіи измѣрялась нѣсколько менѣе, чѣмъ въ 3 миллиарда золотыхъ рублей; въ Германіи же, которую я беру, какъ характерную въ экономическомъ отношеніи западно-европейскую страну, при 20 миллиардахъ золотыхъ рублей ежегоднаго національнаго дохода оборотъ внѣшней торговли достигалъ приблизительно 10 миллиардовъ рублей. Иначе говоря — обратите вниманіе на это показательное соотношеніе! — сумма оборота внѣшней торговли составляла въ Россіи менѣе одной пятой, а въ Германіи около половины суммы національнаго дохода. — Я полагаю, что цифровое сопоставленіе это лучше словъ уяснить вамъ дѣйствительное мѣсто внѣшней торговли въ экономическомъ существованіи Россіи...¹⁾. Прежде чѣмъ перейти къ

1) Приведенное въ текстѣ сопоставленіе можно дополнить слѣдующимъ: въ послѣдніе довоенные годы сумма государственныхъ и общественныхъ (органовъ самоуправленія) бюджетовъ соответственно Россіи и Германіи была приблизительно равна, а именно тамъ и тамъ выражалась величиною, близкою къ 3,5 миллиардамъ рублей ежегодно; и это при условіи, что оборотъ внѣшней торговли Германіи почти въ три съ половиною раза превосходилъ оборотъ русской внѣшней торговли. Совершенно очевидно, что равенство суммъ государственныхъ и общественныхъ бюджетовъ, — ресурсы которыхъ черпаются вѣдь изъ всего народохозяйственнаго

дальнѣйшему, уже здѣсь я хочу отмѣтить одно существенное обстоятельство: указанная отличительная черта хозяйства Россійскаго отнюдь не является препятствіемъ для возникновенія напряженнаго экономическаго взаимодействія между Чехословакіей и Россіей. Имѣя свою долю въ русскомъ ввозѣ и вывозѣ, Чехословакія въ то же самое время можетъ войти какъ бы внутрь основнаго, если можно такъ выразиться, „самодовлѣющаго“ ядра русскаго хозяйства—войти капиталомъ и трудомъ своихъ работниковъ и дѣятелей. И съ русской точки зрѣнія такое вхожденіе безусловно желательно. Между тѣмъ, такое же вхожденіе представителей другихъ народовъ желательно далеко не всегда и далеко не повсюду. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой обстоятельство величайшаго значенія. Русско-чешское культурное единеніе и отсутствіе противоположности политическихъ интересовъ между Россіей и Чехословакіей пріобрѣтаетъ напряженный, жизненно-жгучій смыслъ...

Не предполагайте, чтобы говоря о хозяйственномъ „самодовленіи“ Россіи, я не представлялъ себѣ мѣры нынѣшняго хозяйственнаго ея оскудѣнія. Оскудѣніе это ставитъ для ближайшаго времени задачи особаго рода. Но говоря о естественныхъ производительныхъ силахъ, я призванъ выяснитъ именно тѣ черты хозяйственнаго образа Россіи, которыя соотвѣтствуютъ неизмѣннымъ особенно-

организма, — было бы, въ отношеніи этихъ странъ, совершенно невозможнымъ, если Россія, въ большей степени, чѣмъ Германія, не питалась бы обращеніемъ внутреннихъ хозяйственныхъ соковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые авторы, русскіе и нѣмецкіе, назову А. А. Кауфмана и В. Э. Дэна изъ числа первыхъ и Павла Арндта изъ числа вторыхъ, пытаются судить о „степеняхъ развитія народнаго хозяйства“, соотвѣтственно Россіи и Германіи, а наряду съ тѣмъ и такихъ странъ, какъ Бельгія и Голландія, по абсолютнымъ и въ расчетѣ на душу населенія цифрамъ ввоза и вывоза. Съ точки зрѣнія существеннѣйшаго различія хозяйственно-географической природы Россіи, съ одной стороны, и прочихъ названныхъ странъ, съ другой, подобный пріемъ разсмотрѣнія является образчикомъ якобы научнаго, а въ существѣ превратнаго толкованія фактовъ.

ствямъ ея географическаго и естественно-историческаго склада. И складъ этотъ съ непреложностью указываетъ, что Россія имѣеть быть, какъ и была раньше, одновременно сельскохозяйственной и торгово-промышленной страной. Въдъ въ довоенные годы почти половина русскаго національнаго дохода приходилась на долю промышленности и торговли. Нѣмецкіе авторы, считающіе возможнымъ въ настоящій моментъ говорить о Россіи, какъ о „чисто-аграрномъ государствѣ“, — это дѣлають, напр., нѣкоторые авторы изданій Бреславскаго Института Восточной Европы ¹⁾ — тѣмъ самымъ обнаруживаютъ коренное непониманіе того, чѣмъ въ дѣйствительности была и, я не сомнѣваюсь, будетъ въ хозяйственномъ отношеніи Россія...

Обратимся же къ обзорѣнню того круга земель, который составляетъ родную намъ и, вѣрю, не чуждую вамъ Россію. Я хотѣлъ бы дать вамъ краткій каталогъ; перечислить основной, какъ иногда говорятъ по русски, „железный“ инвентарь природно-хозяйственнаго одаренія Россіи; для этого прежде всего я долженъ былъ бы остановиться на описаніи поверхности во всемъ разнообразіи ея почвенныхъ свойствъ и въ сочетаніи съ характеромъ господствующихъ на ней климатовъ — и наряду съ тѣмъ, обрисовать содержимое россійскихъ нѣдръ, поскольку оно установлено т. н. „геологической статистикой“ и можетъ интересовать насъ при современномъ состояніи техники. Но даже при условіи величайшей сжатости эта задача не осуществима; въ частности въ предѣлахъ имѣющагося у меня времени совершенно невозможно дать хотя бы приблизительный „каталогъ“ выясненнаго доселѣ и могущаго имѣть хозяйственное значеніе содержанія россійскихъ нѣдръ; въ отношеніи Россіи перечисленіе это нужно было бы произвести чуть ли не по всѣмъ 60 химическимъ эле-

¹⁾ Напр.: Flegel въ книгѣ: Die wirtschaftliche Bedeutung der Montanindustrie Russlands und Polens. 1920.

ментамъ, хозяйственно используемымъ къ настоящему времени человекомъ; ибо, по слову академика В. И. Вернадскаго (Очерки и рѣчи, Петроградъ 1922, стр. 64) „съ точки зрѣнія минеральнаго царства... сплошное протяженіе территоріи Россіи... дѣлаетъ чрезвычайно мало вѣроятнымъ, чтобы въ предѣлахъ сплошнаго куска земной коры, составляющаго около одной шестой всей суши земнаго шара, отсутствовали тѣ или иные химическіе элементы въ необходимыхъ для переработки въ полезную энергію концентраціяхъ“ — т. е. съ теоретической точки зрѣнія, представляется весьма вѣроятнымъ, что въ россійскихъ нѣдрахъ заключаются въ хозяйственно достаточныхъ количествахъ всѣ имѣющіе значеніе для человѣческаго хозяйства продукты минеральнаго царства.

Подобное положеніе обуславливаетъ трудность моей задачи; и чтобы преодолѣть эту трудность, въ своемъ перечисленіи содержимаго россійскихъ нѣдръ я становлюсь исключительно на одномъ — правда, важнѣйшемъ химическомъ элементѣ — на углеродѣ — „С“, поскольку онъ представленъ каменнымъ углемъ и торфомъ. Этотъ выборъ опредѣляется тѣмъ, что топливные ресурсы страны представляютъ собой какъ бы *ressource-mère* ея промышленности... Но и при этомъ я оставляю въ сторонѣ нефть — не потому, чтобы вопросъ нефти былъ малозначителенъ, но именно потому, что онъ въ высшей степени значителенъ, настолько, что не можетъ умѣститься въ рамкахъ сегодняшняго изложенія... Обращаясь къ земельному „инвентарю“ Россіи, я пытаюсь охватить его въ слѣдующей, весьма схематической и приблизительной табличкѣ — (всячески хотѣлъ бы подчеркнуть ея схематичность и приблизительность!..):

I. Основная, полевая и луговая, сельско-хозяйственная площадь	ок. 400	мл.	гект.
II. Лѣса среди основной сельско-хозяйственной площади	ок. 100	„	„
III. Лѣса въ сплошныхъ массивахъ на сѣверѣ	ок. 600	„	„
IV. Тундры и горныя пространства на сѣверѣ	ок. 550	„	„
V. Полупустынные пастбища	ок. 200	„	„
VI. Пустыни и горныя пространства на югѣ	ок. 150	„	„

Всего ок. 2000 мил. гект.

(два миллиарда гектаровъ).

Табличка эта не притязаетъ на точность: вы видите я не прибѣгалъ къ болѣе дробнымъ подраздѣленіямъ, чѣмъ подраздѣленія въ 50 миллионѣ гектаровъ. При этомъ условіи наличіе въ цифрахъ таблички отклоненій отъ истинныхъ значеній въ десятки миллионѣ гектаровъ дано самимъ характеромъ таблички. Въ оцѣнкѣ возможной неточности — и, въ то же время въ оцѣнкѣ величинъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло, примите во вниманіе, что общія площадь Чехословакіи измѣряется приблизительно 14 миллионами гектаровъ... Статья первая учитываетъ не только земли, дѣйствительно бывшія въ распашкѣ (таковыхъ и въ предвоенные годы считалось въ Россіи не болѣе 150—170 милл. гект.), и не только земли, дѣйствительно используемыя, какъ луга, но и земли, не состоящія и не состоящія въ такой эксплуатаціи, но могущія со временемъ быть использованы въ качествѣ полей и луговъ; такихъ земель въ особенности много въ Азіатской Россіи, какъ въ степныхъ областяхъ, напр., въ сѣверной части киргизской степи и пр., такъ и въ лѣсныхъ районахъ западной, средней, восточной Сибири

и Дальняго Востока, въ видѣ участковъ, доступныхъ расчисткѣ и раскорчевкѣ... Слѣдуетъ понимать, насколько приближительна всякая подобная прикидка. Нужно учесть также трудность провести точную границу между „пустыней“ и „полупустыннымъ пастбищемъ“, между „лѣсами въ сплошныхъ массивахъ на сѣверѣ“ и „тундрой“ (куда, напр., отнести низкорослые лѣса на сѣверной окраинѣ тайги?) — особенно при недостаткѣ, въ отношеніи нѣкоторыхъ районовъ, географически-ислѣдовательскихъ данныхъ... Предлагаемая табличка есть не болѣе, какъ схема, призванная помочь живому видѣнію тѣхъ хозяйственно-географическихъ полосъ, изъ которыхъ составлена Россія (пустыня, пастбища, пахоть и луга, лѣса, тундра!) и дать примѣрную прикидку пространственнаго протяженія этихъ полосъ...

Въ отношеніи каждой изъ статей предложенной таблички возникаетъ рядъ проблемъ. Пространствамъ, обозначеннымъ въ статьѣ „первой“ принадлежитъ опредѣляющая роль въ сельско-хозяйственной жизни страны: они охватываютъ лучшее земельное достояніе Россіи. Относительно этихъ пространствъ хотѣлъ бы отмѣтить слѣдующее: основная сельско-хозяйственная площадь Россіи (помимо совсѣмъ небольшой площади поливныхъ земель), принадлежитъ къ составу двухъ различающихся другъ отъ друга географическихъ зонъ; чтобы не затруднять вашего вниманія подробностями, эти зоны я обозначилъ бы условно, какъ зону „лѣсную“ и „степную“, т. наз. „лѣсо-степная“ переходная зона отошла бы въ этомъ случаѣ къ составу „лѣсной“, это различеніе географическихъ поясовъ знаменуетъ собой необходимое и существенное различіе приѣмовъ земледѣлія — во всякомъ случаѣ, поскольку мы представляемъ себѣ послѣдніе, какъ нѣчто сознательное и рациональное, ибо европейскіе приѣмы улучшеннаго земледѣлія годятся только для „лѣсной“ полосы сельско-хозяйственной Россіи; степная же полоса, гдѣ весьма затруднено произрастаніе корнеплодовъ и нѣкоторыхъ

другихъ растеній, занимающихъ видное мѣсто въ нынѣшнемъ „европейскомъ“ земледѣліи, — нуждается въ выработкѣ особыхъ пріемовъ улучшеннаго хозяйствованья. Русская агрономическая наука работала и работаетъ надъ созданиемъ этихъ пріемовъ. О томъ, что сдѣлано и что предстоитъ сдѣлать въ этомъ вопросѣ, могутъ разсказать вамъ другіе, въ этой области несравненно болѣе компетентныя лица. Я же хотѣлъ бы только, чтобы вы сохранили въ памяти эти два важнѣйшихъ образа русской сельско-хозяйственной жизни: образъ лѣсного земледѣлія, по своимъ возможностямъ приближающагося къ западно-европейскому, и своеобразный, въ силу окружающей обстановки, образъ земледѣлія „степного“¹⁾. Къ условіямъ сельско-хозяйственнаго производства въ „европейскихъ“ по природѣ областяхъ русскаго земледѣлія, можетъ быть, въ общемъ отнесено важнѣйшее изъ того, что вы знаете объ условіяхъ земледѣлія въ вашей собственной странѣ. Степное же земледѣліе предназначено, повидимому, представлять особый видъ болѣе экстенсивнаго и притомъ вѣроятнѣй всего въ области земледѣльческой, по прежнему, существенно зернового хозяйства. Проблемы развитія степного земледѣлія заслуживаютъ, мнѣ кажется, вашего вниманія. Въ русской степи и въ предвоенные годы существовалъ нѣкоторый земельный просторъ. За время существованія совѣтскаго строя, благодаря бѣгству и вымиранію населенія, просторъ этотъ, къ сожалѣнію, не уменьшился, но увеличился. Возникаетъ заданье возстановить хозяйство въ степи. Степное земледѣліе въ его возможномъ въ современности развитіи, не требуетъ значительныхъ капитальныхъ затратъ: посѣвы производятся безъ удобренія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ внесеніе удобренія, по особенностямъ степной природы, было бы

¹⁾ Съ подраздѣленіемъ русскихъ земледѣльческихъ областей на зону „европейскаго“ и „степного“ земледѣлія читатели евразійскихъ сборниковъ знакомы по статьѣ: „Степь и осѣдность“, „На путяхъ“, стр. 341—356.

прямо вредно для урожая. Хозяйственный успѣхъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ рациональнаго примѣненія содѣйствующихъ сбереженію влаги приѣмовъ механической обработки почвы. Въ этой обстановкѣ чехо-словацкіе капиталисты и предприниматели, при извѣстныхъ условіяхъ, нашли бы, быть можетъ, выгодное помѣщеніе своимъ средствамъ въ русскомъ степномъ земледѣліи — не столько въ видѣ непосредственнаго основанія „зерновыхъ фабрикъ“, для чего требуется тонкое знаніе мѣстной обстановки, сколько въ формѣ кредитованія, съ издольнымъ участіемъ въ результатахъ дѣла, хозяйственно годныхъ русскихъ предпринимателей.

Для русскаго хозяйства имѣетъ основное значеніе подраздѣленіе черноземной и нечерноземной полосы. Подраздѣленіе это нѣсколько аналогично различенію зонъ земледѣлія „степного“ и „европейскаго“. Но зона „европейскаго“ земледѣлія не ограничивается предѣлами нечерноземнаго пояса, но переходитъ на черноземъ. Такъ какъ возможность практиковать „европейское“ земледѣліе связано съ выпаденіемъ достаточнаго количества осадковъ, это означаетъ, что въ предѣлахъ Россіи имѣется полоса хорошо орошеннаго чернозема. Эта полоса и есть лѣсо-степной поясъ. На одну изъ проблемъ, касающихся этой полосы, я и позволю себѣ обратить нынѣ ваше вниманіе. — Высокое развитіе въ Чехословакіи свекло-сахарной промышленности и возможный интересъ вашъ къ этой послѣдней побуждаетъ меня остановиться на вопросѣ о предѣлахъ распространенія въ Россіи свекловичной культуры. Относительно требовательная къ почвѣ, количеству осадковъ и продолжительности вегетаціоннаго періода сахарная свекла воздѣлывается и можетъ воздѣлываться въ Россіи, при современной экономической и технической обстановкѣ, какъ извѣстно, далеко не повсюду. Культура сахарной свеклы является въ Россіи принадлежностью зоны „европейскаго“ земледѣлія, но и то далеко не всей. Сахарная свекла не произрастаетъ въ

степи, гдѣ для нея недостаточно влаги; и въ общемъ сѣверная граница степи является крайнимъ южнымъ предѣломъ распространѣнія свекловичной культуры. Въ то же время воздѣлываніе свеклы не является экономически рациональнымъ внѣ полосы черноземовъ; и потому сѣверная граница послѣднихъ совпадаетъ съ сѣверной границей воздѣлыванія свеклы. Предѣлъ распространѣнія свекловичной культуры на востокъ, т. е. отъ губерній Курской и Харьковской къ Волгѣ ставитъ падающая продолжительность вегетаціоннаго періода; этимъ паденіемъ обуславливается уменьшеніе урожайности и невыгодность культуры. Въ общемъ русскій свекло-сахарный районъ оказывается ограниченнымъ предѣлами ряда сѣверо-черноземныхъ губерній по правому и лѣвому берегу Днѣпра. Какъ извѣстно, районъ этотъ въ послѣднее передъ войной время и былъ покрытъ довольно густою сѣтью заводовъ, общее производство которыхъ въ 1913—14 годамъ доходило до 2 милліоновъ тоннъ; но этимъ райономъ не ограничиваются возможности свекло-сахарнаго производства въ Россіи. Независимо отъ возможностей Туркестана и Закавказья, гдѣ условія для свекловичной культуры вполне благопріятны, но гдѣ она едва ли можетъ явиться выгодной, въ виду конкуренціи другихъ, еще болѣе цѣнныхъ культуръ, естественными районами свеклосахарнаго производства представляются намъ предгорья Кавказскаго хребта на сѣверномъ Кавказѣ и предгорья Тянь-Шаня, въ Семирѣченской области. (Въ своей климатической природѣ близкіе къ европейско-русской „лѣсо-степи“). Въ первой изъ этихъ областей свекло-сахарное производство обрѣтается въ зачаткахъ, въ отношеніи второй изъ нихъ вопросъ объ организаціи свекло-сахарнаго производства пока что и не ставится серьезно (Семирѣченская ж. д. не закончена, использованіе хозяйственныхъ возможностей Семирѣчья, въ соотвѣтствіи съ его естественными данными, во многихъ существенныхъ чертахъ еще не начато вовсе). — Первая

изъ этихъ областей, т. е. сѣверо-кавказская, представляеть, повидимому, болѣе широкія возможности для развитія свекло-сахарнаго производства, чѣмъ вторая. Въ предгорьяхъ сѣвернаго Кавказа, при современномъ состояннн свекло-сахарной промышленности, могли бы, пожалуй, размѣститься 20—30—40 заводовъ и дать столько же милліоновъ пудовъ сахару, т. е. около полъ милліона тоннъ или нѣсколько болѣе. Весьма вѣроятно, что именно здѣсь, благодаря наибольшей, въ сферѣ области русской „лѣсо-степи“, продолжительности вегетационнаго періода, достижима наивысшая въ Россіи урожайность свеклы. — Возможностей Семирѣченской области нельзя подсчитать даже приблизительно... Строго говоря, культура свекловицы была бы возможна и въ хорошо орошенныхъ частяхъ Сибири. Но если не будетъ внесено въ эту культуру какихъ либо новыхъ, еще неизвѣстныхъ намъ приѣмовъ обработки, то урожайность свеклы въ этихъ областяхъ окажется настолько низкою, что развитіе здѣсь свекло-сахарной промышленности станеть возможнымъ только при наличіи какихъ-либо совершенно исключительныхъ условій... На сѣверномъ же Кавказѣ и въ Семирѣчьи открываются просторы для творческой хозяйственной энергіи. — Нужно помнить, что оба района находятся въ географическомъ сближеннн съ емкими — и въ то же время удаленными отъ другихъ центровъ производства — рынками для сахара: сѣверо-кавказскій районъ — съ юго-восточными „степными“ губерніями Европейской Россіи и Закавказьемъ, Семирѣченскій — съ Туркестаномъ и Западной Сибирью... На ряду съ помощью въ возстановленнн свекло-сахарной промышленности центрального и западнаго района, Чехословакія, своими хозяйственными силами и съ выгодною для себя, могла бы оказать Россіи помощь также и въ разрѣшеннн только что упомянутыхъ творческихъ хозяйственныхъ задачъ.

Относительно пунктовъ „II“-го и особенно „III“-го моей таблички я хочу отмѣтить совершенно особое и

единственное, въ предѣлахъ мірового хозяйства, значеніе русскихъ лѣсныхъ ресурсовъ. Площадь русскихъ лѣсовъ превосходитъ лѣсную площадь С. Ш. С. А. и Канады, вмѣстѣ взятыхъ. Лѣса же субтропическаго и тропическаго пояса въ виду низкихъ качествъ древесины, вообще не входятъ въ расчетъ въ качествѣ поставщика массовыхъ строительныхъ матеріаловъ. — Въ условіяхъ дѣйствительнаго хозяйственнаго развитія, Россія могла бы явиться законодательницей мірового лѣсного рынка... Въ установленіи этого обстоятельства заключена постановка широчайшихъ задачъ по организациі лѣсного хозяйства — главнымъ образомъ, на далекомъ европейскомъ и азіатскомъ сѣверѣ Россіи, и по организациі распилки и обработки дерева. И надо желать, чтобы каждый гражданинъ Чехословакіи, имѣющій знанія по лѣсному хозяйству или интересующійся имъ — былъ освѣдомленъ о существованіи названныхъ задачъ. Изъ этого знанія, въ нѣкоторый моментъ будущаго, можетъ проистечь благо и для него лично и для Россіи...

Полупустынные пастбища служатъ для организациі скотоводческаго хозяйства. Въ предѣлахъ соотвѣтствующихъ областей Россіи, т. е. главнымъ образомъ калмыцкихъ, киргизскихъ и туркестанскихъ степей, такое хозяйство доселѣ вели и ведутъ туземцы-кочевники. Наряду съ ихъ хозяйствомъ было бы желательно создать скотоводческія хозяйства капиталистическаго типа — на манеръ существующихъ въ южной Африкѣ или Австраліи. Какъ и тамъ, здѣсь возможно поставить производство мяса (главнымъ образомъ, съ расчетомъ на перевозку въ мороженномъ видѣ, т. е. по русскимъ условіямъ — въ вагонахъ ледникахъ) и затѣмъ шерсти; съ тѣмъ только отличіемъ, что въ виду суровости зимъ — производимая шерсть была бы преимущественно грубыхъ сортовъ...

Въ отношеніи широкаго хозяйственнаго использованія тундры можно придаваться только игрѣ воображенія. Въ нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ, тундра и пустыня

суть „мертвые пространства“ хозяйства Россійскаго; и притомъ пространства, которыя самимъ обстоятельствомъ, что они существуютъ, служатъ нѣкоторымъ препятствіемъ къ развитію хозяйственнаго оборота въ руссійскихъ областяхъ. Тундра отдѣляетъ отъ моря области русскаго сѣвера и дѣлаетъ ихъ трудно доступными или вовсе недоступными со стороны моря. Пустыня же создаетъ затрудненія для хозяйственнаго оборота между умѣренными, по климату, областями собственно Россіи и областями субтропическаго земледѣлія средне-азиатскихъ оазисовъ... Среди пустынь и горныхъ пространствъ русскаго юга эти оазисы и хорошо орошенныя части центральнаго и западнаго Закавказья представляютъ подлинную жемчужину. Я не буду останавливаться на возможномъ экономическомъ развитіи этихъ областей, культурная площадь которыхъ измѣряется нынѣ всего лишь нѣсколькими милліонами десятинъ. Остановлюсь только на вопросѣ хлопка. И въ послѣдніе довоенные годы необычайно быстро возростающаго хлопковаго производства Туркестана и Закавказья не хватало для покрытія нуждъ русской промышленности. При потребленіи хлопка приблизительно въ полъ-милліона тоннъ ежегодно, около половины этого количества ввозилось изъ за границы... Трудно сказать, какъ пойдетъ дальнѣйшее развитіе. Но одно несомнѣнно: въ предѣлахъ областей русскаго юга имѣются просторы для расширенія хлопковой культуры. Послѣднее связано: 1) съ расширеніемъ площади орошаемыхъ земель, что само по себѣ составляетъ огромную и плодотворную задачу; при затратѣ не болѣе полу-милліарда золотыхъ рублей можно удвоить орошаемую площадь русскаго Туркестана (2 милліона десятинъ). Десятина — гектаръ наилучшей сельско-хозяйственной площади — въ нашихъ широтахъ вообще не имѣется столь цѣнныхъ, на единицу пространства, сельско-хозяйственныхъ угодій, каковыми являются орошаемая пространства Туркестана! — обошлась бы приблизительно въ 200-250 золотыхъ рублей;

2) вовлеченіе въ сферу русскаго хлопковаго хозяйства Персіи, Авганскаго и Китайскаго Туркестана; эти области имѣють значительныя пространства годныхъ къ орошенію и культурѣ хлопка земель; но въ силу своей удаленности отъ міроваго рынка, области эти могутъ найти сбытъ для своего хлопка и вообще своихъ произведеній только въ предѣлахъ или при посредствѣ россійскаго хозяйства. Если этимъ областямъ предстоитъ развиваться экономически, можетъ быть, и средне-европейскіе потребители хлопка почувствуютъ когда-либо, какъ живую реальность, хлопковое хозяйство Персіи или Авганскаго Туркестана, — между тѣмъ, какъ сейчасъ, даже названія этихъ странъ, вѣроятно, звучатъ для васъ чѣмъ то экзотическимъ.

Перехожу къ обзору ресурсовъ россійскаго хозяйства въ каменномъ углѣ и торфѣ. Изученіе россійскихъ пространствъ въ отношеніи этихъ ресурсовъ отнюдь нельзя считать законченнымъ. Наоборотъ есть полное основаніе полагать, что мы знаемъ только относительно небольшую часть этихъ ресурсовъ. Чтобы дать масштабъ для оцѣнки каменноугольныхъ мѣсторожденій Россіи, напомню, что общая сумма исчисленныхъ доселѣ каменноугольныхъ запасовъ міра, находящихся на глубинѣ, не превышающей 1.800 метровъ, опредѣляется приблизительно въ десятокъ тысячъ милліардовъ тоннъ — иначе говоря въ десятокъ билліоновъ тоннъ; изъ нихъ больше половины (болѣе 5 билліоновъ тоннъ) приходится на долю Сѣверной Америки; относительно незначительная доля Азій (нѣсколько болѣе билліона тоннъ), вѣроятно, главнымъ образомъ зависитъ отъ малой ея обследованности. На долю Западной Европы приходится менѣе билліона тоннъ (784 мд.): изъ нихъ на Германію, въ ея довоенныхъ границахъ, приходилось болѣе 400 мд. тоннъ, на Англію, — около 200 мд. тоннъ, на бывшую Австрію, въ ея цѣломъ, — около 50 мд. тоннъ и на Францію не болѣе 18 мд. тоннъ... Исчисленіе русскихъ запасовъ зависѣло до сихъ поръ не столько отъ дѣйствительнаго со-

держанія мѣсторожденія, сколько отъ состоянія нашихъ знаній. Это съ ясностью можно усмотрѣть изъ сопоставленія слѣдующихъ двухъ табличекъ:

	Запасы каменнаго угля въ миллиардахъ тоннъ,	
	какъ они исчислялись въ 1917 г.	какъ они исчислялись въ 1920 г.
Подмосковный бассейнъ	2	12
Донецкій „	56	60
Кузнецкій „	14	250
Иркутскій районъ	150	150
	<u>222</u>	<u>472</u>

Кромѣ того,

Илійскій бассейнъ не менѣе 18
 Тунгусскій „ можетъ быть, нѣсколько сотъ
 миллиардовъ тоннъ.

Еще въ 1916 году, въ рядѣ газетныхъ статей покойный профессоръ М. И. Туганъ-Барановскій въ оцѣнкѣ промышленныхъ возможностей Россіи исходилъ изъ предположенія, что каменноугольные запасы Россіи измѣряются 60 мд. тоннъ. Вы видите, насколько подвинулось на короткій срокъ изученіе каменноугольныхъ запасовъ Россіи... Думаю, что не ошибусь, выразивъ увѣренность, что при условіи продолженія изысканій исчисленные каменноугольные запасы Россіи за короткій срокъ снова возрастутъ въ нѣсколько разъ. Но какія бы цифры ни обѣщали дать каменноугольные бассейны, въ родѣ Илійскаго Семирѣченской области или Тунгускаго на далекомъ сѣверѣ, въ области средняго и нижняго Енисея, а также прочіе многочисленныя бассейны Азіатской Россіи, — одно обстоятельство можно считать вѣроятнымъ: какихъ либо значительныхъ „открытій“ по части каменноугольныхъ ресурсовъ въ Европейской Россіи не произойдетъ. — Цифры залежей подмосковнаго бассейна кажутся болѣе внушительными, чѣмъ это соответствовало

бы дѣйствительному хозяйственному положенію. Ибо подмосковный уголь, несмотря на почтенный геологическій возрастъ, по своей хозяйственной годности, приближается къ типу бурыхъ углей, не коксуется и потому не отвѣчаетъ требованіямъ металлургической промышленности; его теплопроизводительная способность вдвое меньше теплопроизводительной способности, напр., донецкаго угля. — Изъ наблюдений надъ расположеніемъ каменноугольныхъ залежей на территоріи Россіи выясняются два существенныхъ обстоятельства: 1) важнѣйшіе каменноугольные бассейны Россіи расположены въ Азіи и притомъ въ самой глубинѣ континента; если вдуматься въ значеніе этого обстоятельства для промышленнаго развитія Россіи, то для насъ уяснится положеніе, имѣющее существенность не только для даннаго частнаго вопроса; а именно, что Россія, какъ хозяйственное цѣлое, въ самомъ объемлющемъ и основоположномъ смыслѣ, должна быть воспринимаема, какъ сочетаніе европейскихъ и азіатскихъ областей. Въ Россіи не существуетъ столь рѣзкаго противоположенія между промышленной „европейской“ метрополіей и „используемыми“ сельско-хозяйственными внѣ-европейскими колоніями, какъ это наблюдается въ нѣкоторыхъ колоніальныхъ державахъ современности; къ развитію нѣкоторыхъ промышленныхъ отраслей, въ предѣлахъ русскаго народнаго хозяйства, въ наибольшей степени предопредѣлены, повидимому, какъ разъ нѣкоторые „внѣ-европейскія“, азіатскія области: въ экономическомъ отношеніи Россія есть грандіозное и всецѣлое евразійское единство... Я думаю, что эта точка зрѣнія не покажется неожиданной для тѣхъ изъ васъ, кто слышалъ рассказы родственниковъ и друзей или своими глазами видѣлъ Дальній Востокъ, Сибирь и Туркестанъ...

2) Европейская Россія относительно бѣдна каменнымъ углемъ; въ ней имѣется только одинъ первоклассный бассейнъ, а именно Донецкій; правда, въ извѣстномъ смыслѣ расположеніе этого бассейна можно назвать „удач-

ным“; ибо бассейнъ этотъ расположенъ въ центрѣ безлѣснаго степного района, который, при отсутствіи угля, былъ бы вообще лишень какихъ бы то ни было серьезныхъ топливныхъ ресурсовъ; на сѣверѣ такимъ ресурсомъ являются дрова, здѣсь же нѣтъ и дровъ. Иначе говоря, зеленое топливо сѣвера и черное топливо юга въ Европейской Россіи какъ бы дополняютъ другъ друга. Но въ такомъ расположеніи Донецкаго бассейна есть и своя неблагоприятная сторона: ибо при данномъ распределеніи ресурсовъ оказываются лишенными годнаго мѣстнаго угля (и прибавимъ, также и хорошей желѣзной руды!) области, являвшіяся и являющіяся историческими центрами и очагами русскаго промышленнаго развитія, а именно Московская область и Петроградскій районъ. Эти мѣстности, благодаря обширности лѣсной площади, находились въ выгодномъ положеніи пока основнымъ топливомъ промышленности также и на Западѣ являлись дрова. Изъ сочетанія названнаго обстоятельства съ фактами историческаго развитія этихъ областей проистекло несомнѣнное, по масштабамъ времени, промышленное ихъ „двѣтене“ въ XVIII и началѣ XIX в., въ особенности это утверждение относится къ центральному Московскому району. О промышленномъ „двѣтеніи“ Россіи XVIII вѣка также забываютъ тѣ, которые говорятъ о Россіи, какъ о „чисто аграрномъ государствѣ“... Съ измѣненіемъ техники и наступленіемъ въ промышленности „каменноугольной эпохи“, промышленность этихъ областей, продолжая развиваться въ абсолютныхъ цифрахъ, захирѣла и „отстала“ по сравненію съ промышленностью западныхъ странъ. И наряду съ причинами соціально-историческими, однимъ изъ обстоятельствъ, опредѣлившихъ эту „отсталость“, несомнѣнно являлась невыгодность древеснаго топлива по сравненію съ топливомъ ископаемымъ; вѣдь первое приходится собирать на обширныхъ пространствахъ, второе же — тамъ, гдѣ природой оно дано человѣку — дано ему въ собраннхъ на небольшомъ пространствѣ

значительныхъ накопленіяхъ; находится „подъ рукою“ въ количествахъ, практически безграничныхъ... Но замѣтите: развитіе техники, которое въ свое время причинило ущербъ промышленности центрального района, въ своемъ дальнѣйшемъ продолженіи можетъ открыть ей новые пути. Проблема электрификаціи, какъ проблема изысканія пріемовъ къ сбереженію топлива, къ созданію возможности работать на малоцѣнныхъ и не выдерживающихъ перевозки его сортахъ, наконецъ (въ Петроградскомъ районѣ), какъ проблема замѣны горючаго водною силою, есть несомнѣнно реальная мѣстная проблема Московскаго и Петроградскаго района; проблема, которая проистекаетъ прежде всего изъ отсутствія въ нѣдрахъ этихъ областей хорошаго каменнаго угля. Въ каждомъ изъ двухъ районовъ проблема эта ставится по своему. Въ Московскомъ районѣ она сводится, главнымъ образомъ, къ вопросу рациональнаго использованія низкаго по качеству мѣстнаго угля и въ еще большей степени торфа. Дѣло въ томъ, что Сѣверная Европейская Россія, т. е. какъ разъ та часть ея, которая лишена высокосортнаго каменнаго угля, обладаетъ огромными залежами торфа. Определено, что „въ Европейской Россіи торфяники занимаютъ площадь въ 60 милліоновъ десятинъ (т. е., прибавлю, болѣе, чѣмъ четырехкратное общее пространство Чехословакіи). Изъ этого количества 20 мил. дес. лежатъ южнѣе 60° сѣверной широты (т. е. широты Петрограда)... Запасы торфа на этой площади опредѣляются въ полторы тысячи милліардовъ пудовъ въ переводѣ на условное топливо, т. е. донецкій уголь“. Это составляетъ запасъ нѣсколько превышающій, по своей теплопроизводительной способности, совокупныя каменноугольныя залежи Франціи. Но торфъ не можетъ быть использованъ такъ, какъ используется каменный уголь. Онъ не выдерживаетъ перевозокъ на сколько либо дальнія разстоянія. Въ дѣлѣ рациональной утилизаціи торфа возникаетъ вопросъ о постройкѣ вблизи торфяниковъ элек-

трическихъ станцій, которыя работали бы на торфѣ и подавали энергію въ мѣста, гдѣ она требуется, въ видѣ электрическаго тока. Такой же вопросъ ставится въ отношеніи использованія подмосковнаго угля... Въ Петроградскомъ же районѣ, наряду съ задачей использованія мѣстныхъ торфяниковъ (можетъ быть также ябургскихъ горючихъ сланцевъ и боровичскаго угля), возникаетъ вопросъ о переходѣ на бѣлый уголь. Ибо Петроградъ, въ противоположность Москвѣ, не располагающей сколько-либо значительными источниками водной силы, со всѣхъ сторонъ окруженъ пунктами, гдѣ возможно устройство электрическихъ установокъ, использующихъ силу падающей воды. Таковы: Нарвскій водопадъ на юго-западѣ отъ Петрограда, пороги на Волховѣ — къ юго-востоку отъ него, пороги на Свири въ 230—260-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Петрограда, и водопадъ Иматра и другія стремнины на Вуоксѣ, въ предѣлахъ Финляндіи къ сѣверу отъ него. Особо важны два послѣдніе пункта; возможная мощность установокъ на Свири — до 280 тысячъ лошадиныхъ силъ; на Вуоксѣ — до 600 тысячъ... Какъ бы ни складывались отношенія Финляндіи къ Россіи, я увѣренъ, что въ условіяхъ мирнаго хозяйственнаго развитія бѣлый уголь Вуоксы будетъ примѣненъ для нуждъ исторически сложившейся и пріобрѣтшей міровые масштабы промышленности Петрограда. Ибо такое примѣненіе соотвѣтствовало бы началамъ хозяйственной рациональности...

Я могъ бы продолжать обзоръ производительныхъ силъ Россіи; коснуться важнѣйшаго вопроса о залежахъ желѣзной руды и географическомъ размѣщеніи ихъ въ отношеніи къ мѣсторожденіямъ коксующагося угля; продолжить обзоръ источниковъ водной энергіи; рассказать о водопадахъ Олонецкаго и Архангельскаго края, о Днѣпровскихъ порогахъ, о бѣломъ углѣ Кавказа, Туркестана, Сибири, Урала; говорить о нефти, значеніе которой, вѣроятно, ясно каждому изъ васъ. Но я не буду

дѣлать этого. Я думаю, что и сказаннаго достаточно въ
качествѣ образчика и примѣра. А большаго я и не при-
тязаю дать... Естественныя производительныя силы
Россіи велики. Не нужно ихъ преувеличивать, но нужно
ясно понимать ихъ значеніе; и знать, что экономическое
одареніе Россіи есть одареніе многостороннее — предо-
предѣляющее одновременно сельско-хозяйственное и
промышленное развитіе страны. Если судить Господь,
естественныя производительныя силы Россіи найдутъ себѣ
примѣненіе; я думаю, это принесло бы весьма реальныя
блага не только Россіи но и вамъ. Но для возможности
такого использованія необходимо, чтобы у насъ, но также
и у васъ здоровая и творческая хозяйская воля устояла
и одолѣла бы въ борьбѣ съ силами разрушенія, нынѣ
возставшими на нее.

Петръ Савицкій

Прага, 2/15 I 1923